

the type of freedom based not on knowledge of necessity, but on gaining experience of the limit, experience of transgression. The freedom of the experience of limit gives rise to a new understanding of duty, which is not based on external requirements for man, but on the recognition of his «non-alibi in being» (M. Bakhtin).

Key words: Gutenberg galaxy, Zuckerberg galaxy, culture of the Enlightenment, culture of modernity, culture of the new modernity, experience of freedom, transgression, cultural revolution.

УДК 111+113+14

Н.М. Солодухо

ФИЛОСОФИЯ НЕБЫТИЯ В КОНТЕКСТЕ АФТЕРПОСТМОДЕРНИЗМА

Аннотация. В статье называются черты, характерные для этапа культуры после постмодерна, то есть афтерпостмодерна, а также сопоставляются признаки философии постмодернизма и афтерпостмодернизма. В этом контексте оценивается философия небытия как в целом афтерпостмодернистская теория.

Ключевые слова: постмодерн, афтерпостмодерн, постмодернизм, афтерпостмодернизм, философия небытия.

Суть моей позиции в качестве автора книги «Философия небытия» (Казань, 2002) [1] заключается в том, что ее следует рассматривать как афтерпостмодернистскую, то есть *пост*-постмодернистскую, а потому обращенную к традициям классической философии (хотя и сохраняющую влияние постмодернизма по части признания плюралистичности взглядов и неопределенности в понимании небытия). Все же, я думаю, главный критерий выхода за пределы постмодернизма – это поиск субстанциональной основы мира. И попытка категориального выражения философской концепции как проявление перевода внимания с единичного на общее. Постмодернизм, по выражению Делеза и Гваттари, считает, что философы вообще пользуются подвижными, меняющимися концептами, а не понятиями-категориями. Ведь концепт, с одной стороны, – это уже не представление, хотя еще не совсем понятие, а с другой – уже не совсем понятие, теряющее свою строгую рациональность и однозначность, но и не ставшее лишь представлением – картинкой, хотя и целостной. Концепт в познании выступает переходной формой между чувственным и рациональным – формой, обладающей идеей с ветвящимися значениями, несущей индивидуализированные смыслы. Таким образом, постмодернисты отходят от катего-

риального построения философского знания, отказываясь от поиска абсолютного и всеобщего.

Что же касается моего определения небытия и ничто, то я никогда не понимал их как пустоту. Кажется, В.Ф. Асмус в свое время говорил, что Парменид отрицает небытие, потому что понимает под ним пустоту. По моему, небытие — это *несуществование* или *отсутствие*, а не пространственная пустота, о которой говорил Демокрит. Наличие отсутствия — вполне очевидная черта реальности. Потому *небытие* — реальность отсутствия или реальное отсутствие. Отсутствие чего-либо несуществующего вполне объективно. Если у меня под рукой камень, а не вода, то я на уровне ощущений «здесь» и «сейчас» воспринимаю объективное отсутствие воды. Не говоря уже об отсутствии всего того, что еще не родилось или уже умерло (или вообще никогда не появится). Вопреки тем, кто поднимает вопрос о *несуществовании* небытия, по-моему, надо ставить вопрос о *существовании* небытия как особой реальности или отсутствии привычной бытийной реальности. Хотя, конечно, и в такой постановке вопроса остаются проблемы.

Бесконечная масса реальности отсутствия составляет небытие. Иначе говоря, мир небытия есть совокупное небытие всех предметов и явлений, оказавшихся за пределами бытия. Можно это назвать номиналистическим подходом (который тоже сближает с постмодернизмом) к решению проблемы, но от этого категориально-философская суть решения не умалется. Как же обойтись без более или менее ясного обозначения того, о чем идет речь, выявляющего общее и существенное, то есть без помощи понятий-категорий, если мы оборачиваемся к классическому (или неклассическому) пониманию философии?

Неопределенность в понимании небытия главным образом вытекает из того, что небытие служит основанием бытия, а это переводит разговор о небытии в плоскость метафизики в ее классическом представлении (да и неклассическом тоже). Все же надо различать предметы онтологии и метафизики. Центральное понятие онтологии — «бытие», центральное понятие метафизики — «небытие», так как метафизика выводит за пределы сферы парменидова бытия тем, что пытается определить его сверхчувственные основания. Сказанное поясняет рисунок-схема (насколько это вообще позволяет лапидарная схематизация).

И вот то, что лежит за пределами бытия, запредельное, выразить бытийным языком однозначно не удастся. Но тем не менее метафизика — тоже область философского знания, а следовательно, требует категориального выражения, если мы признаем за философией в целом категориальный характер.

Для того чтобы была яснее канва дальнейшего разговора, надо определиться с характером нынешнего этапа развития мировой философии. И русская философия, точнее, то, что принадлежит философам современной России, в целом соответствует состоянию мировой философии, хотя несколько запаздывает и в начале, и в конце по части приверженности постмодернизму.

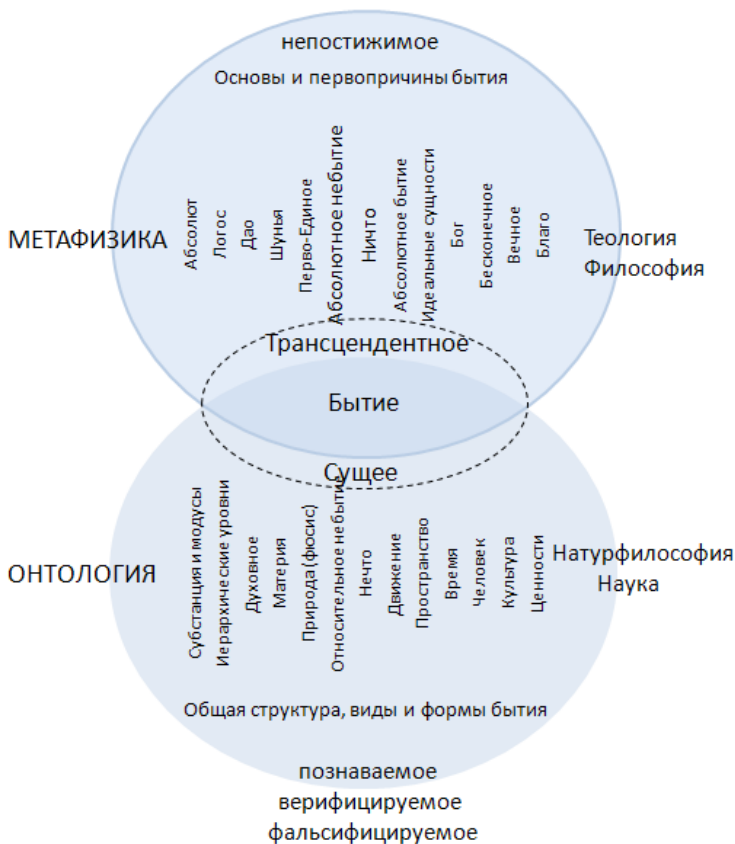

Рис. Отношение онтологии и метафизики

Автор данной статьи полагает, что мы уже по крайней мере полтора – два десятилетия как вступили в новый *after*постмодернистский этап эволюции философии. Сразу же надо заметить, что это касается не только философии, но и культуры в целом. Попробуем сформулировать основные тенденции и черты этого этапа развития. Сначала обозначим общие характеристики современного развития общества в разных аспектах культурной деятельности человечества.

Со стороны политики – глокализация (региональная самостоятельность) на фоне глобализации, доходящая до протестных форм – выступлений против объединительных процессов (Англия, Франция, Испания – в Евросоюзе, Россия и др.). Со стороны права – открытые попытки авторитаризации международного права государствами и бюрократизация системы внутрен-

них государственных структур (США, Турция, Россия и др). Со стороны этики – нарастание приоритета целого над частью, государственности, этничности, конфессиональности над личностным и алармизм в настроениях. Со стороны религии – усиление проявления конфессиональных различий и противостояние, особенно между христианством и исламом, вплоть до открытых военных конфликтов – борьба с ИГИЛ и т. п. Со стороны искусства (прозы и поэзии) – политизация прозы (в России литературная премия «Большая книга – 2017» присуждена произведениям «Ленин...», «Город Брежнев» и т. п.), обращение в поэзии к силлабо-тоническому построению и содержательной внятности. Со стороны науки и техники – усиление интегративных процессов в областях естественно-научной и технической на фоне инновационных разработок и ослабление связей в социально-гуманитарных науках, понижение их роли, отмежевание научно-технических исследований от гуманитарной сферы, усиление технократических тенденций. Со стороны экономики – усиление власти финансово-экономических элит, начало нового «пердела мира» с попыткой ухода от однополярного мира.

Все это – знаки отдаления от культуры постмодерна, сложившейся после Второй мировой войны, которая характеризовалась объединением в глобальном и индивидуализацией в малом, либерализацией, культурной интеграцией, научным синтезом естественно-технического и гуманитарного знания на основе информатизации, размыванием всевозможных границ, ситуативностью, ризомностью и т. п. Как известно, понятие «ризома» стало ключевым в философии постструктурализма и постмодернизма. Введенное Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в книге «Ризома» в 1976 году, оно должно было служить основанием и формой реализации «номадологического проекта». Эти идеи получили второе дыхание в книге французского философа Жана-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна», изданной в 1979 году, где говорилось о преодолении «метанарративов» модерна.

Идея ризомы размывает систему, представляет мир хаотичным, запутанным, бесстержневым, но и многомерным – поливариантным, много-связным, контактным. Мир предстает как текст, лишенный семантической центрированности. Это мир новых множественных коммуникаций.

Конечно, этап *after*постмодерна не предполагает отказ от всего, что связано с постмодерном, и частично сохраняет его черты (что создает иллюзию длящегося постмодерна): это сочетание научности с нарративностью с целью легитимизации знания в коммуникации, нарастание системности с элементами ситуационности, дальнейшая информатизация и компьютеризация наряду с увеличением объемов книжно-библиотечного фонда, обращение знания как товара и борьба с продажностью системы образования и воспитания.

Однако в целом наблюдается определенное возвращение к некоторым идеалам и нормам прошлого, обращение к идеям классического и неклассического периодов эволюции культуры, но это не просто реминисценции. Чувствуется ностальгия по прошлому – серьезное обращение и к средневе-

ковью, и к новому времени, и к модерну. Можно сказать, что маятник истории качнулся в обратную сторону: цикличность, которая присуща процессам в природе и обществе, дает о себе знать. Но с сохранением и развитием новых тенденций! На мой взгляд, указанные явления будут нарастать и, вероятно, составят основу длительного периода нового этапа в развитии человеческой культуры.

В области философии переход к *after*постмодернизму проявляется в усилении системности, поиске первоосновы (субстанции) и оснований мира, обнаружении общих закономерностей развития и эволюции, в пристальном внимании к проблемам эпистемологии, в попытках формулировать широкие общенаучные концепции, в прагматизации философской тематики. Эти тенденции требуют от философии новой рациональности, сближающей философию с наукой, переоткрытия общенаучных характеристик философского знания, что ведет к разработке и укреплению категориального аппарата философии.

Философия небытия как онтолого-метафизическая теория, интенсивно развиваемая мною начиная с 90-х годов, отчасти отвечает требованиям постмодернизма, но главным образом соответствует тому, что идет после него — *after*постмодернизму. В монографии «Философия небытия» и других работах автора статьи [2–5] можно обнаружить:

- плюрализм подходов в решении проблемы — со стороны материализма, идеализма, дуализма, науки, религии;
- объединение западных и восточных философских традиций;
- обращение к классическим и неклассическим образцам философских учений;
- попытку рационализации сверхчувственного;
- точечную формализацию (математизацию) философских положений;
- примирение диалектического и формально-логического в онтологии и метафизике;
- поиск нетрадиционной субстанции мира;
- систематическое построение мировой схематики с принципами, законами, следствиями;
- попытку категоризации нетрадиционной философской концепции;
- противопоставление алармистским перспективам оптимистического восприятия реальности.

Так выглядит понимание автором этапа *after*постмодернизма в развитии философии и соотносительность философии небытия с контекстом этого нового периода. В заключение хочу поблагодарить за всегда полезные дискуссии профессора Владимира Александровича Конева [6–10], компетентно, интеллигентно, изящно отстаиваемые им позиции. И хочу отметить, что материал, представленный в данной статье, является развитием аргументации автора в продолжение дискуссии с В.А. Коневым относительно статуса небытия, возникшей осенью-зимой 2016 года.

Библиографический список

1. Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. 146 с. (Рецензия – Р.О.Курбанов) // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 177–179).
2. Nathan M. Solodukho. Starting Philosophic Problem // ПАΙΔΕΙΑ / Proceedings of the XX World Congress of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bu.edu/wcp/Papers/Onto/OntoSolo.htm> (дата обращения: 10.12.2017).
3. Nathan M. Solodukho. The Universe as a Fluctuation of Being // Proceedings of the XXII World Congress of Philosophy – 17:135-141 (2008). [Электронный ресурс]. URL: <https://philpapers.org/rec/SOLTUA> (дата обращения: 07.12.2017).
4. Солодухо Н.М. Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопросы философии. 2001. № 6. С. 176–184.
5. Солодухо Н.М. Понимание онтологического статуса небытия [Электронный ресурс] // Известия КГАСУ. 2006. № 1(5). С. 126–128. URL: https://izvestija.kgasu.ru/files/.../Solodukho_126-128.pdf (дата обращения: 10.12.2017).
6. Конев В.А. Онтология культуры. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. 196 с.
7. Конев В.А. Критика способности быть (Семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера). Самара: Изд-во: «Самарский университет», 2000. 274 с.
8. Конев В.А. Трансцендентальный эмпиризм Ж. Делеза (Семинары по «Различию и повторению»). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 140 с.
9. Ничто и порядок: Самар. семинары по фр. философии / В.А. Конев, Ю.А. Разинов [и др.]; отв. ред. В.А. Конев, В.Л. Лехциер; науч. рук. В.А. Конев. Самара: Универс-групп, 2004. 312 с.
10. Конев В.А. Смыслы культуры: сб. ст. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 276 с.

Natan M. Solodukho

PHILOSOPHY OF NON-BEING IN THE CONTEXT OF AFTER-POSTMODERN

Abstract. The article refers to the features typical for the after-postmodern culture stage, that is, after-postmodernity, as well as the signs of philosophy of postmodernism and after-postmodernism. In this context, the philosophy of non-being is evaluated as a whole as after-postmodernist theory.

Key words: postmodern, after-postmodern, postmodernism, after-postmodernism, philosophy of non-being.